

таковых и не будет, ибо против первых двух в наше время никто ничего не напишет, кто хотя искру понятия имеет, против последних же двух без сомнения благопристойность писать запретит».⁶

Однако эти словесные защитные сооружения не обманули Екатерину: она скоро поняла, что если против бога, благопристойности и здравого рассуждения «Трутень» не выступает, то с «правлением» Новиков ведет настойчивую и продуманную борьбу. Какие меры самозащиты приняла Екатерина, в основных чертах известно, и нет необходимости повторять это. Одно только надо указать. То труднопознаваемое произведение, которое безусловно принадлежит Новикову и напечатано во второй части «Живописца» (листы 8 и 9) под названием «Перевод»,⁷ несомненно представляет собой одно из наиболее резких выступлений Новикова против Екатерины. Повторяющееся в этой статье несколько раз выражение «Неудобо-разумо-и-духодеятелен», которое «обгрызает» Новиков, может быть понято только как намеренный дословный и потому неуклюжий и не совсем ясный перевод с немецкого. По намекам, рассеянным в статье, можно предположить, что слова «Неудобо-разумо-и-духодеятелен» были сказаны Екатериной и представляли ее отзыв о Новикове, каким-то образом дошедший до него. Так, прежде всего обращает на себя внимание заглавие «Перевод», — ни разу ни ранее, ни позже не встречающееся у Новикова. Далее — построение первой фразы: «Я теперь Неудобо-разумо-и-духодеятелен». Это выражение характеризуется как «новое и высокое изобретение осьмагонадесять столетия». Затем среди «ипохондриков» он изображает человека, в котором можно узнать отставного фаворита Екатерины; он стал «ипохондриком», «ибо обожаемая им повелительница — повелительница, которая по искусству своему... преобратила его своим непостоянством в дурака». Ограничимся только этими «наводками» Новикова. Если наше предположение правильно, то громоздкое и не сразу понятное в переводе выражение «Неудобо-разумо-и-духодеятелен» может означать, что уже в это время, в начале 1770-х годов, умственная и духовная деятельность Новикова стала для Екатерины неудобной. Злопамятная императрица оставила еще несколько одинаково враждебных отзывов о Новикове. Так, через 15 лет, в октябре 1788 г., А. В. Храповицкий занес в свой дневник слова Екатерины «C'est un fanatique».⁸ Еще через пять лет Храповицкий со слов Державина записывает отзыв Екатерины о Новикове — «умный и опасный человек».⁹ Есть еще один, как нам представляется, особенно замечательный отзыв Екатерины о Новикове, затерянный в дневнике московского про-

⁶ Там же, с. 47.

⁷ Там же, с. 405—410.

⁸ Храповицкий А. В. Дневник с января 1782 по 17 сентября 1793 г. Под ред. Н. П. Барсукова. М., 1901, с. 100.

⁹ Там же, с. 251.